

ых структур, о принципах сопоставления инсистемных языков, отрывающих историю языков от истории народов, о понятийных категориях и т. п. Они открывают советскому языкознанию широкую перспективу подлинно научного развития.

В работе И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» — при ее внимательном разборе в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию — легко обнаруживаются все основные пороки «нового учения» о языке акад. Н. Я. Марра: положение о единстве языкотворческого процесса, как исходный пункт всего грамматического построения, принцип стабильности в развитии языка и мышления, убеждение в том, что переводимость языка из одного типа в другой происходит путем «варьирования», отрыв мышления от языка, особенно наглядно сказавшийся в «учении» о понятийных категориях, злоупотребление семантикой, смешение грамматики и лексики, отрицание морфологии, антиисторизм и пренебрежительное отношение к сравнительно-историческому изучению родственных языков.

Мы должны со всей остротой и прямотой вскрывать ошибки теории Марра и его «учеников» и освободить от них советское языкознание. Такова задача, поставленная перед нами И. В. Сталиным. Расчистка лингвистической почвы помогает и еще более поможет нам углубить развитие и убыстрить рост марксистского языкознания.

Критикуя работы И. И. Мещанинова — одного из виднейших учеников Марра, мы стремимся к одной большой цели — устранить тормозы, препятствия и преграды для развития сталинского учения о языке и помочь самому И. И. Мещанинову вступить на тот путь лингвистического исследования, на который всех нас направляет наш великий вождь и учитель — И. В. Сталин.

В. В. Виноградов

СБОРНИК «ВОПРОСЫ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА»*

В своей гениальной работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин четко сформулировал задачи, стоящие перед советскими языковедами. «Ликвидация арапчешевского режима в языкознании, отказ от ошибок Н. Я. Марра, внедрение марксизма в языкознание, — говорит И. В. Сталин, — таков по-моему путь, на котором можно было бы оздоровить советское языкознание»¹.

Выпущенный Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР сборник «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» как раз и является отчетом о проделанной молдавскими языковедами работе по реализации сталинских указаний. Об этом ясно говорится в предисловии сборника: «Авторы статей критикуют пагубные последствия так называемого «нового учения» о языке Н. Я. Марра в Молдавии и пытаются внедрить в молдавское языкознание сталинское учение о языке на конкретном молдавском материале» (стр. 3).

Прежде чем говорить о содержании отдельных статей, следует отметить, что планировка всего сборника вызывает некоторые сомнения. Вряд ли можно что-нибудь возразить с точки зрения проблематики сборника против помещения в нем статей И. Д. Чебана «Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», И. К. Вартичану «К вопросу о грамматическом строе молдавского языка», Н. Г. Корлятичу «О некоторых вопросах словарного состава и основного словарного фонда молдавского языка» и двух проспектов монографий вузовских учебников (А. Т. Боря «Краткие очерки истории молдавского языка» и Н. Г. Корлятичу «Словарный состав и основной словарный фонд молдавского языка»).

Вместе с тем возникает вопрос: если в сборнике помещены статья Ф. И. Кожухарь «К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка», посвященная частному вопросу молдавской грамматики, и статья М. А. Шлыковой «Вопросы перестройки курса методики русского языка в педагогах и педучилищах Молдавии», касающаяся хотя и очень важной, но не имеющей прямого отношения к молдавскому языкознанию проблемы, то почему в сборнике не отражена работа молдавских лингвистов над вопросами применения сравнительно-исторического метода в изучении молдавского языка, не поставлена проблема взаимо-

* Сб. «Вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина», Гос. изд-во Министерства просвещения МССР «Шкоала советикэ», Кишинев, 1951, отв. ред. И. Д. Чебан.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 34.

действия молдавского языка со славянскими языками, в частности вопрос о благотворном и мощном влиянии русского языка, не затронуты ни вопросы специфики звукового строя молдавского языка, ни вопросы изучения языка и стиля писателя, ни проблемы методики преподавания молдавского языка в школе и вузе? Если принять во внимание, что и в статьях, опубликованных в сборнике, как, впрочем, и в других периодических изданиях, все эти вопросы или вовсе не затрагиваются или решаются без должного научного обоснования, то можно смело утверждать, что до сих пор никто из молдавских языковедов серьезно и научно не занимается ни вопросами сравнительно-исторического изучения молдавского языка, ни проблемой славяно-молдавских и русско-молдавских языковых отношений, ни вопросами методики преподавания молдавского языка и т. д. Странно, что в сборнике не отражена работа над изучением молдавских диалектов. Статья Ф. И. Кожухарь лишь использует материалы диалектологических записей, но не отражает результатов работы молдавских диалектологов. Очевидно, молдавские диалектологи после пяти лет работы не могут похвастаться ощутимыми результатами своих исследований.

После этих замечаний, касающихся сборника в целом, перейдем к анализу отдельных статей. Первая часть статьи И. Д. Чебана «Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина» посвящена критике марристских ошибок языковедов Молдавии и самого автора, который в течение многих лет является руководителем молдавских лингвистов.

Подробно останавливаясь на ошибках других молдавских языковедов и историков, И. Д. Чебан скромно ограничивает свои марристские «увлечения» периодом, непосредственно предшествующим дискуссии (1949 — начало 1950 г.), когда он «опубликовал несколько статей в газетах и журналах, где ссылался на Марра и пытался применить его «теорию» к вопросам молдавского языка» (стр. 6). Но ведь дело не только в ссылках и цитатах. Известно, что работа И. Д. Чебана «Страницы из прошлого Молдавии» (1946), а также школьный учебник «Морфологии молдавского языка» (1939—1946), которые И. Д. Чебан считает «золотым фондом» своих работ, свободных от марнизма, в действительности построены на пресловутой марристской идее скрещенности молдавского языка.

В остальных разделах статьи излагается «положительная» программа работы коллектива молдавских языковедов. Читатель ожидает найти здесь подробное изложение того, как планируется и как организуется в Институте истории, языка и литературы научное изучение грамматического строя, словарного состава и основного словарного фонда, истории молдавского языка, его диалектов и т. д. Но все это напрасно. О большинстве вопросов вообще не упоминается. Причины этой «забычивости» автора, очевидно, две. Во-первых, И. Д. Чебан обнаруживает неосведомленность в ряде вопросов общего языкознания и стилистического учения о языке.

Забывая сталинское указание о том, что только «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфичности»², И. Д. Чебан отождествляет язык с его словарным составом, точнее с общественно-политической и научно-технической терминологией, смешивает понятия литературной нормы и общенародного языка. Только этим смещением понятий можно объяснить по меньшей мере странное утверждение И. Д. Чебана, что «общенародный язык молдавской социалистической нации... б у р и о (разрядка наша. — Р. П.) стал развиваться после Великой Октябрьской социалистической революции» (стр. 24).

Второй причиной того, что И. Д. Чебан старательно обходит основные проблемы теории молдавского языка, подменяя их бессодержательными догматическими спорами об употреблении отдельных слов, о реформе орфографии, об улучшении школьных учебников, является отсутствие серьезного и глубокого научного планирования разработки проблем истории, грамматического строя, диалектологии молдавского языка в институте, руководимом И. Д. Чебаном.

Таким образом, помимо воли самого автора, указанная статья является не столько отчетом о работе по внедрению марксизма в молдавское языкознание, сколько свидетельством того, что молдавские языковеды до сих пор не сумели преодолеть элементов застоя и теоретической путаницы, характеризовавших период господства так называемого «нового учения» о языке.

Статья И. К. Вартичана «К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке» посвящена проблеме специфики грамматического строя. Однако эти важные вопросы решаются И. К. Вартичаном не на основе предварительного глубокого изучения материала, а путем бездоказательных утверждений. Вследствие этого в статье на каждом шагу встречаются методологические и фактические ошибки. Остановимся на некоторых из них.

Так, сравнивая употребление времен или глаглов отдельных фонем в румынском и молдавском языках (стр. 43—44, 45) с целью показать специфику молдавского языка, И. К. Вартичан, забывая указание И. В. Сталина о том, что общенациональный

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

язык является высшей формой, «...которой подчинены диалекты, как низшие формы»³, подмечает факты общенародного молдавского языка данных отдельных диалектов (кстати говоря, эти явления характерны и для румынских диалектов) и смешивает тем самым понятия языка и диалекта.

В конце своей статьи И. К. Вартичан пытается опровергнуть положение о «непроницаемости» морфологической структуры языка, выдвинутое Л. А. Булаховским и Б. А. Серебренниковым. Однако в подтверждение своего тезиса о проницаемости морфологии И. К. Вартичан приводит примеры заимствования в молдавском языке славянских словообразовательных суффиксов и славянских синтаксических моделей (стр. 59). Но ведь словообразование, синтаксические модели и словозменительная морфология, которые имеют в виду Л. А. Булаховский и Б. А. Серебренников, являются совершенно различными сферами грамматики. Единственный пример, который можно было бы привести в защиту положения К. И. Вартичана, — это заимствование славянских флексий звательного падежа *o, le (sora — soro, om — omule)*. Но ведь известно, что эти флексии стоят несколько в стороне от системы падежных окончаний и относятся скорее к словообразовательным морфемам.

«При сходстве форм будущего первого...», — говорит И. К. Вартичан, — мы обнаруживаем разницу в формах будущего в румынском языке *voiți* *și cântat* и т. д., в молдавском *am să cânt* и т. д.» (стр. 44). Это утверждение построено на недоразумении. Во-первых, обе формы известны как румынскому, так и молдавскому языкам. Во-вторых, для выявления специфики грамматического строя языков нельзя сравнивать формы, обладающие различным значением и употреблением. Форма *voiți* *și cântat* имеет значение *Futurum exactum*, форма *am să cânt* соответствует простому будущему. Неудачей и ссылка на редкое употребление в говорах Бричанского района давнопрошедшего времени. Данные одного диалекта не могут служить доказательством употребления или неупотребления той или иной формы в общенародном языке.

Таким образом, в результате пренебрежения к общетеоретическим установкам и поверхностного знакомства с языковым материалом основная задача статьи — выявление специфических черт грамматического строя молдавского языка — остается невыполненной. Это тем более досадно, что И. К. Вартичан умеет глубоко анализировать языковой материал — его перу принадлежит богатое по охвату языковых фактов и интересное по своим выводам исследование языка «Назания» Варлаама — первой печатной молдавской книги. К сожалению, эта работа И. К. Вартичана почему-то не опубликована.

Ф. И. Кожухарь в своей статье «К вопросу об употреблении времен изъявительного наклонения в центральных говорах молдавского языка» впервые в молдавском языковедении стремится исследовать особенности грамматического строя центрального кишиневского диалекта. Несомненная ценность работы в том, что Ф. И. Кожухарь привлекает большой диалектологический материал, собранный в основном ею самой во время диалектологических экспедиций 1946—1950 гг. Это выгодно отличает работу Ф. И. Кожухарь от статей, разобранных выше. Однако настоящего лингвистического анализа этого интересного материала нет. Автор или ограничивается общезвестными положениями о многозначности настоящего времени, о происхождении молдавского имперфекта и плюсквамперфекта из соответствующих латинских форм или делает выводы, которые не оправдываются ни молдавскими, ни общероманскими языковыми фактами. Примером может служить утверждение автора об отсутствии в молдавском языке романского принципа согласования времен (стр. 90, 93). Это утверждение подкрепляется двумя примерами с нарушением **формального соглашения** (например, на стр. 90: *sora le..., o vedzut kum sy vydeshti jary zavodu* — моя сестра видела, как строится завод), но в аналогичных случаях и другие романские языки не идут по пути формального согласования времени (ср. фр. *ma soeur a vu comment on construit l'usine* или исп. *mi hermana ha visto como se construye la fabrica*)⁴. Употребление настоящего времени в придаточном предложении здесь вполне закономерно, поскольку действие придаточного продолжается и в момент высказывания. Характерно, что в большинстве диалектных примеров, приводимых Ф. И. Кожухарь в другой связи, романское согласование времен сохраняется.

Совершенно излишне сложны и неубедительны объяснения происхождения палатализации конечного согласного во 2-м лице единственного числа настоящего времени глагола и появления звука *j* во 2-м лице единственного числа имперфекта. Романистами уже давно установлены пути развития в восточнороманских языках *i* краткого

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, стр. 15.

⁴ Характерно, что нарушения формального согласования времен во французском и испанском языках настолько велики, что некоторые грамматисты вообще ставят под сомнение его существование не только в живой разговорной речи, но и в литературном языке. Ср., например, F. Brunot, *La pensée et la langue*, Париж, 1936, стр. 780 и сл., или R. Lenz, *Oracion y sus partes*, Мадрид, 1935, стр. 193 и 394.

вместо латинской и западнороманской флексии *s* (ср. молд., рум. *лупь*, ит. *lupi*, фр. *loup*, исп. *lobos* или молд., рум. *кымць*, ит. *canti*, фр. *chantes*, исп. *cantas* и т. д.).

Непонятно, почему Ф. И. Кожухарь говорит лишь о первом, втором и четвертом спряжениях в молдавском и латинском языках, опуская третье (лат. *ducere* — молд. *а дуче*) и оставляя без внимания балкано-романские парадигмы на *-es* (*лукрес*) и *-еск* (*читеск*).

Наконец, нельзя не указать на небрежную и неунифицированную запись диалектных текстов.

Обращаясь к упоминавшейся уже статье Н. Г. Корлянту и к проспекту его будущей монографии «Словарный состав и основной словарный фонд молдавского языка», следует указать на обилие привлеченного языкового материала, свидетельствующее о серьезном намерении автора разрешить наиболее важные проблемы основного словарного фонда и словарного состава молдавского языка. Автор обнаруживает хорошее знание современного молдавского языка и его истории. Но сразу же обнаруживаются и слабые стороны статьи и проспекта. Статья и проспект представляют собой описание общих закономерностей, характерных для словарного состава и фонда любого языка, молдавские примеры легко могли бы быть заменены примерами из другого языка. Ни в статье, ни в проспекте не раскрыты, а по существу и не ставятся, проблема своеобразия молдавской лексики. Н. Г. Корлянту не пользуется для своего анализа сравнительно-историческим методом, подменяя его формальным и ничего не говорящим сопоставлением молдавских слов с формами других романских и латинского языков (ср. стр. 65—69). Между тем широкое применение сравнительно-исторического метода помогло бы вскрыть в молдавской лексике пласты общероманских, восточнороманских и балкано-романских слов. Сравнительно-исторический метод является важным средством выявления особого характера латинского фонда молдавского языка. Ведь известно, например, что целый ряд латинских слов сохраняется лишь в румынском и молдавском языках (например, *а шти*, *сат* и др.), другие же слова имеют в этих языках иное, чем в остальных романских языках, значение. Например, некоторые латинские специальные военные термины стали в молдавском и румынском языках словами основного словарного фонда: *veteranus* > *вэтрын*, *antaneus* (первый в шеренге воинов) > *мытый* и т. д.

С помощью сравнительно-исторического метода устанавливаются черты сходства в лексике дако-романских и испанского языков. В проспекте монографии даже не затронут вопрос об общебалканской лексике, которую нельзя просто свести к фрако-илиро-дакийскому субстрату. Неясно, как Н. Г. Корлянту представляет себе историю проникновения в молдавскую лексику славянских слов. Нет даже упоминания о структурном взаимодействии русизмов со старыми южнославянскими заимствованиями. Вообще сталинское положение о необходимости изучения истории языка в связи с историей народа в применении к молдавскому материалу ни в статье, ни в проспекте никак не раскрыто.

Н. Г. Корлянту приводит большой материал по молдавскому словообразованию и идиоматике, однако нигде не делает даже попытки вскрыть какие-либо закономерности.

Встречаются и прямые теоретические ошибки. Так, Н. Г. Корлянту утверждает, «что основной словарный фонд, состоящий из так называемых *корневых слов* (разрядка наша. — Р. П.), служит для образования новых слов...» и т. д. (стр. 70), забывая указание И. В. Сталина о том, что корневые слова составляют лишь ядро основного словарного фонда.

Статья М. А. Шлыковой «Вопросы перестройки курса методики русского языка в педвузах и педучилищах Молдавии» содержит много ценных наблюдений и представляет поэтому некоторый интерес, особенно для преподавателей русского языка в национальной школе. В этом плане следует указать на разделы, посвященные анализу ошибок, сопоставлению приемов словообразования в молдавском и русском языках, а также замечания по поводу управления глаголов в обоих языках.

К сожалению, статья производит впечатление сырого материала, не подвергнувшегося композиционной и стилистической (см. ниже) обработке. Этим, вероятно, и можно объяснить такие промахи и недочеты в статье, как смешение понятий буквы и звука. Так, говоря о своеобразии русского звучания, М. А. Шлыкова в качестве иллюстрации отмечает: «В молдавском языке *э* в начале слова не употребляется: *эпока*, *эксплуатаре*, *экзамен*, даже в собственных именах: *Энгельс*. Кроме того, молдавское *э* — звук, отличный от русского *э*. Молдавский *э* — задненебный закрытый звук» (стр. 106). Но ведь в начале слова в молдавском языке не употребляется не русский звук *э*, который может совпадать с произношением молдавской фонемы *э*, а молдавская буква *э*. Таким образом, М. А. Шлыкова путает понятия буквы и звука. Смешение этих понятий обнаруживается и в других примерах, иллюстрирующих своеобразие звукового строя русского языка. Непонятно, почему М. А. Шлыкова приводит на стр. 113 русские примеры с необычной для русского синтаксиса постпозицией притяжательного местоимения (мама моя, бабушка моя и т. п.). Подобных недочетов в статье М. А. Шлыковой много.

Наконец, в сборнике опубликован проспект монографии «Краткие очерки истории молдавского языка». Совершенно прав автор проспекта А. Т. Борщ, указывающий, что «вопрос о создании теоретического курса истории молдавского языка уже давно назрел» (стр. 121). Но велика и ответственность автора этой первой сводной работы по истории молдавского языка. Настоящий проспект должен был наметить точные композиционные контуры работы и ясные методологические основы разрешения важнейших проблем истории молдавского языка. Поэтому вряд ли можно оправдать «общий и приблизительный характер данного проспекта», что признает сам А. Т. Борщ (см. стр. 123). Ставка автора на «доработку» и «сокращение деталей» в ходе дальнейшей работы проявилась, к сожалению, не только в частных вопросах, но и в решении общих проблем истории молдавского языка. Примером может служить разрешение в проспекте важнейшей проблемы происхождения молдавского языка. С одной стороны, А. Т. Борщ указывает, что «молдавский язык, как и все романские языки, возник не путем спонтанного развития местных языков придунайских народов, а из вторгшейся извне и победившей местные языки латыни» (стр. 126). С другой стороны, А. Т. Борщ тут же предает тиглостным сомнениям: «поэтому, — пишет он, — еще раз встает вопрос — существовал ли готовый, уже сложившийся молдавский язык в период родовой и племенной организации у придунайских народов...» (там же). Очевидно, А. Т. Борщ считает возможным образование молдавского языка в «период родовой и племенной организации на территории нынешней Молдавии», т. е. до завоевания римлянами в 107 г. н. э. Дакии, в результате которого была начисто разрушена родовая и племенная организация местного населения. Пальма первенства в создании этой совершенно антиисторической теории принадлежит по праву А. Т. Борщу.

В проспекте можно найти и отголоски марксистской теории образования молдавского языка в результате скрещивания латыни с местными языками. Об этом свидетельствует такая фраза: «период II—X вв. н. э. на территории Придунайских земель, это по существу период нескольких языковых пластов: местных языков, победившей латыни и рождавшегося молдавского языка» (стр. 125).

Предаваясь своим сомнениям по поводу времени возникновения молдавского языка, А. Т. Борщ забывает изложить и дать критику действительно существующим теориям происхождения молдавского народа и языка (теория Реслера, теория слияния задунайского романизованного населения с сохранившимися к северу от Дуная романо-данубитами). А. Т. Борщ ограничивается лишь ссылкой на теорию Филиппиде.

В проспекте много общих фраз об изучении молдавского языка в сравнении с другими романскими языками и латынью, тем не менее разделы, посвященные исторической фонетике и исторической грамматике молдавского языка, вообще отсутствуют. Вместо них в проспекте предусмотрено краткое описание фонетических и грамматических особенностей Воронежского кодекса, плюс упоминание еще о трех документах XVI в. Автор вообще забывает о существовании истро-румынских, македано-румынских и аромунских говоров, а ведь без использования материала этих диалектов в сравнительно-историческом плане невозможно воссоздать даже в самых общих чертах историю молдавского языка до XVI в. Все эти серьезные промахи свидетельствуют о том, что автор проспекта весьма неясно представляет себе проблематику ранних периодов истории молдавского языка.

Что касается более поздних периодов, то здесь автор делает ставку на описание внешних событий. Из чрезвычайно общих и туманных определений типа «Общая характеристика грамматического строя, основного словарного фонда, словарного состава и фонетической системы молдавского языка» (стр. 142, глава X «Молдавский язык советской эпохи») нельзя понять, как в учебнике будут раскрываться общие процессы развития структуры молдавского языка. Единственный вывод, который можно сделать, познакомившись с этими главами, тот, что А. Т. Борщ не усвоил сталинского положения об устойчивости структуры языка. Характерно, что в разделах, посвященных XIX, началу XX в. и периоду после 1917 г., каждый раз особо поднимается вопрос о структурных особенностях молдавского языка в эти короткие промежуточные времена. В IX главе А. Т. Борщ вообще вводит такой раздел: «Общая характеристика состояния молдавского языка к концу первой четверти XX в.» (стр. 139) (разрядка наша. — Р. II.).

Что же касается общего построения проспекта, то он отражает, с одной стороны, противопоставление, а с другой стороны — смешение (именно смешение, а не взаимодействие) так называемой внешней и внутренней истории языка и приемов так называемого синхронного и диахронного изучения языка. Введение и первые две главы, например, посвящены современному состоянию молдавского языка, в то же время во второй главе «Территориальное распространение молдавского языка» автор неожиданно дает сверхкраткий очерк истории молдавского языка только от XIV в. до XIX столетия (стр. 131). Сам же «Краткий очерк» начинается с III главы, а в главе X снова излагается современное состояние молдавского языка.

Развитию строя языка в каждой из глав автор посвящает несколько общих фраз, вроде уже упоминавшейся, причем это общее положение иногда повторяется в одной и той же главе в разных редакциях по несколько раз. Так, например, в гл. X общая

характеристика лексики и грамматического строя повторяется почти слово в слово трижды (см. стр. 140, 141, 142). В целом ряде случаев расположение материала с точки зрения хронологии вызывает недоумение. Так, IX глава «Молдавский язык XIX и начала XX столетий» содержит раздел: «Мадьярские элементы в молдавском языке, начиная с IX—X вв.» (стр. 139).

Проспект «Кратких очерков истории молдавского языка» А. Т. Борца наглядно свидетельствует о недостаточном широком и глубоком знакомстве автора с основными положениями сталинского учения о языке, а также о недостаточной осведомленности его в фактическом материале. Вряд ли вообще можно считать проспект серьезным и основательным фундаментом для написания такого ответственного исследования как история молдавского языка.

Чувствуется, что сборник создавался в атмосфере спешки и не был подвергнут всестороннему предварительному обсуждению и серьезной редакторской правке. Красноречивым свидетельством этому служат также и многочисленные опечатки (особенно в иностранном тексте), и постоянные стилистические ошибки, и шероховатости в изложении, переходящие иногда в бессмысленный набор слов. Приведу несколько примеров.

В статье М. А. Шлыкковой (Вопросы перестройки курса методики русского языка в педвузах и педучилищах Молдавии) есть фраза, смысл которой уловить вообще невозможно: «Флексиями первого лица мн. числа могут быть *ons (nowas matehon), ein wir Tragen, my (musczytamy)* (польский) ем — им, в русском ем — эм, им в молдавском, но никогда не зубные *а, с, ц* и пр.» (стр. 100).

Стр. также стр. 27: «Конечно, и после 1940 г. на фронте языка не наступила тишина» (И. Д. Чебан, Насущные вопросы молдавского языка в свете трудов И. В. Сталина).

Стр. 37: «...ни в одном из положений так называемого «нового! учения» о языке Марра нет ни г р а м м а марксизма» (И. К. Вартичан, К вопросу о грамматическом строе молдавского языка в свете учения И. В. Сталина о языке).

Стр. 40: «Одной из ошибок смыкающейся с космополитизмом... — это взятие под сомнение существования разницы между молдавским и румынским языками» (там же).

Стр. 100: «... умение слышать и наблюдать речь живых людей» (М. А. Шлыккова, Вопросы перестройки курса методики русского языка...).

Среди особенностей русского произношения и графики М. А. Шлыккова указывает на «Способы обозначения мягкого знака согласных...» (стр. 105).

Стр. 127: «Конечно, не все в молдавском языке объясняется этими языками и латынью, легкой в его основу и ставшей его стержнем, скелетом» (А. Т. Борца, Краткие очерки истории молдавского языка).

В статьях есть библиографические неточности. Так, И. К. Вартичан, ссылаясь на «Граматику румынского языка», выпущенную Издательством иностранной литературы (Москва, 1950), считает автором ее проф. С. Б. Бернштейна, который в действительности является лишь переводчиком. Автор этой книги — румынский лингвист И. Йордан. На несуществующие работы по молдавскому языку проф. С. Б. Бернштейна ссылается в своем проспекте и Н. Г. Корлэтяну (стр. 149).

Что же касается сборника в целом, то многочисленные теоретические ошибки его авторов говорят о том, что молдавские языковеды еще не освободились от марристских ошибок и недостаточно глубоко усвоили основы сталинского учения о языке. А это, в свою очередь, и является основной причиной недопустимого отставания молдавского языковедения в деле углубленного научного изучения самого молдавского языка.

Р. Р. Пуотровский